

Три страницы истории

И.А.Филус

1. Истоки.

Вначале рассказ о «первом» заповеднике я хотела построить «классически»: назвать даты, фамилии, описать события. Но потом решила «дать слово» одному из сотрудников-зоологов того времени, – Ф.Д. Шапошникову (рис. 1; здесь и далее приведены рисунки Ирины Филус). Приведем небольшие выдержки из его дневников, сопровождая их небольшими комментариями; ведь история творится людьми и складывается из отдельных судеб.

В 1937 году Федор Шапошников, молодой специалист, только что окончивший университет, ехал работать в недавно организованный на Алтае заповедник, где ему предстояло пройти не одну тысячу километров сложного пути, изучая копытных и хищных млекопитающих.

В те далекие тридцатые годы наша Республика называлась Ойротской автономной областью, а Тува, примыкающая к ней и соответственно к заповеднику, была самостоятельной республикой и границы с ней охранялись пограничниками. Добраться до центральной усадьбы заповедника – пос. Яйлю – было делом непростым и занимало несколько дней. До Турочака – на лошадях и редких в ту пору машинах, до Артыбаша – только на лошадях, по Телецкому озеру – на единственном стареньком парходике или на весельно-парусных лодках – карбасах. Последний вид транспорта во время штормов был довольно ненадежным. Возвращаясь 19 января 1938 года на карбасе из экспедиции от Ижона до Яйлю, Федор Шапошников едва не погиб:

«Ночь провели плохо. Было до -20° С. Утром из-за сильной верховки боялся ехать, но к часу решился. Когда до Яйлю оставалось около двух километров, то внезапно увидел ледяную шугу, тянущуюся белым зыбким полем вплоть до берега. Моментально сбросил парус и пошел на веслах встреч. Стало заливать нос и мой спутник не смог выгрести. Шуга затянула. Пробились шугой метров 50 и встали. Дальше ехать нельзя: лодку затерло. Предстояла холодная ночь во льду, если выдержит лодка беспрестанное трение льдов, а если не выдержит, то ... Мой спутник дрожал, сидя в своей шинели. Пока, до смерзания, решил обратить на себя внимание Яйлю. Поднял парус и дал 3 выстрела. На берегу забегал народ. От пристани пошли двое, держа в руках что-то черное, но вернулись назад. Через некоторое время пошли еще двое. У меня настроение упало. Если двое вернулись, значит, от берега не пройти, а нам не дойти до берега от лодки... Но вторая пара приближалась, и к ней присоединился третий с лодкой на санях. Нас спасли, бросая доски и переходя по ним по волнующейся шуге».

Конные в бесснежное время года и лыжные – зимой походы лесников-наблюдателей предпринимались по всей огромной (более 1 млн. га!) площади. Но малочисленность штата и труднодоступность отдельных участков делали охрану территории малоэффективной. Несмотря на пограничный режим на стыке заповедника с Тувой, браконьерство было частым явлением.

«8.07.38. В 200 м от устья Кара-Сулука (окрестности озера Итыкуль) есть гарь, где можно остановиться. Корм коням есть. Гарь, видимо, сделана искусственно т.к. на ней постоянные стоянки тувинцев, давности 2-4 года. Вырублено около 120 деревьев (30-35 см, листовик). Найдено 6 станков. На станках кости зверей, конский помет и в одном случае старые лыжи. Всего насчитано по костям 9 убитых северных оленей, лося и марала, всего 11 зверей. По характеру стоянок можно судить, что последний выезд был весьма многолюден. Время года - ранняя весна, апрель-май. Зверя били на зимовке».

В первые годы существования заповедника работу усложняли отсутствие точных карт, хорошей одежды, слабое знание территории, плохое состояние троп.

«Весь день с утра в дороге. Тропа ужасна. Много времени уходит на поиски ...К вечеру вымотались вконец».

«Уже третий день мы ищем среди скал лазейку в Дяраш-Тайгу. Грозные обрывы, угрюмые курумы защищают туда дорогу. Мы изорвались, как цыгане. Закоптелые, черные, лазим по скалам и ищем, ищем дороги себе и коням».

«На гольцы не иду из-за обуви и одежды. Все неподходящее. Нет спецовки, т.е. хорошей исправной одежды. На конях нельзя, а принимать холодную водно-снежную ванну – идти сознательно на риск заболеть. С обувью еще хуже. «Сапоги» развалились, а в штиблетах не хочу щеголять по снежной каше с водой».

В июне 1941 года Федор Шапошников находился в экспедиции. О начавшейся войне он узнал от пограничников. Вместе с 60-тью другими наблюдателями охраны, научными сотрудниками и рабочими ушел на фронт. Сильно поредевший штат, женщины и дети приняли на себя тяжелую ношу. Основные задачи заповедника – охрана и научные исследования – по-прежнему выполнялись. Кроме того, заповедник не был «нахлебником» у государства: все пригодные места около поселков Яйлю и Беле были раскорчеваны, распаханы и засеяны зерновыми культурами.

50 фронтовиков не вернулись домой ...

Федор Шапошников возвратился в Яйлю с женой. Они оба решили остаться здесь навсегда. Ведь заповедник – это «навечно изъятая из хозяйственного использования территория». И кто мог предвидеть события 1951 года, которые доказали, что это не так.

«Трудно было расставаться, когда закрылся заповедник. И как скверно все происходило. Осень, снег. В течение двух недель нужно было все свернуть и сдать отчеты по науке».

Так, в течение двух недель дело, во имя сохранения уникального биоразнообразия, нетронутых ландшафтов Горного Алтая, имеющих огромную научную, культурную, эстетическую и воспитательную ценность, было перечеркнуто.

Дописывая эту страницу, я все же не могу удержаться назвать еще несколько фамилий людей, работавших в заповеднике в те годы, и навсегда вошедших в его историю, это ученые: В.В.Дмитриев, П.Б.Юргенсон, С.С.Фолитарек, М.В.Золотовский, Г.М.Крепс, М.С. Хомутова, А.Н. Гончарова, М.С. Калецкая, М.А.Мартыненко, Г.Д.Дулькейт. Сколько еще замечательных людей изучали и охраняли

заповедный уголок Горного Алтая. Всех не перечислить! Но хочется особо сказать о Василии Петровиче Пыжанкине, живущем в пос. Яйлю. Он посвятил охране всю свою жизнь: был лесником в «первом», во «втором» и в «третьем» заповеднике! И, дай ему Бог, здоровья на многие годы! (от редакции: В.П. Пыжанкин, к сожалению, ушел из жизни).

2. Под знаком кедра.

Из множества директоров, стоявших у штурвала корабля под названием «Алтайский заповедник», один, по мнению старожилов, безоговорочно считается лучшим: Василий Васильевич Криницкий. Директор «второго» заповедника. Несмотря на довольно короткий срок директорства, - три года (1959-1961), он оставил о себе стойкую память, которая жива спустя сорок лет!

- Вот – то была дисциплина при Криницком!
- Да, работали при Криницком!
- Порядок-то, какой был!

Эти первые фразы при опросе лично знавших этого легендарного человека, всегда произносятся с восхищением и глубоким уважением.

Тогда В.В.Криницкому было немногим более 50 лет. Резковатый, ворчливый, со своеобразным чувством юмора. С подчиненными всегда держал дистанцию, окружающие постоянно чувствовали его превосходство; он умел приказывать и делать замечания. Вставал очень рано, в 6 утра проходил по поселку, по берегу озера, не упуская ни одного случая беспорядка. Встречал лодки, в том числе и браконьерские. Дотошно вникал во все проблемы, и не только хозяйственные. Считал, что научная работа в заповеднике должна объединяться одной общей идеей, и эта идея – изучение кедра, его возобновления, рациональное использование кедровых лесов Горного Алтая.

В.В.Криницкий умел разглядеть способных, перспективных специалистов и подобрал замечательный, деятельный коллектив, который сплотил в единое целое с помощью совместной работы. От Телецкого озера и до гольцов были заложены несколько высотных профилей с множеством пробных площадок, на которых учитывали все, что возможно: картировали и описывали древостой, подрост, определяли урожай кедра, ягод, численность млекопитающих и птиц, изучали насекомых. На профиле работали все научные сотрудники: почвоведы, ботаники, лесоводы, микромаммологи, орнитологи, энтомологи (Л.И.Барсова, Л.П.Брысова, Б.Ф.Белышев, Вик. Н.Воробьев, Вл.Н.Воробьев, И.А.Коротков, Т.А.Новикова и др.), работники лесного отдела (А.И.Каляев, И.Г.Игтисамов и др.) и студенты из разных ВУЗов страны. Временами одновременно, на профиле работало более 20 человек! Сам директор жил по неделе со своими подчиненными в тайге, контролировал работу и принимал в ней активное участие.

Итог этого большого начинания был подведен в 1961 году, когда вышел 3 выпуск Трудов Алтайского заповедника, солидный сборник, куда вошли статьи о комплексном изучении кедровников. Эти Труды как бы предвосхищали идеи Кедрогграда, созданного чуть позже в Пыжинской тайге.

Увы, столь необходимые лесоведам-практикам исследования кедровых лесов, выполненные в Алтайском заповеднике, не спасли его от очередного закрытия.

О причине этого бытует интересная легенда, придуманная самими сотрудниками. Она очень похожа на анекдот. Накануне закрытия был снят фильм, где крупным планом показан научный работник могучего телосложения (реально существовавший!), который наблюдает за белкой (и это имело место). И вот, этот злополучный фильм попал на глаза руководства нашей страны и решил судьбу заповедника: «Там занимаются такой ерундой? Закрыть!»

Конечно же, причина имела более глубокие корни. Но как в любом анекдоте бывает намек, и в этой иронической легенде есть смысл: такому мужику уместнее добывать белок, а не «праздно» любоваться ими – территорию столь значительной площади следует эксплуатировать, а не сохранять. Зачем изучать кедр, какой от этого «навар»? Его надо рубить!

«Одумались» только в 1967 году. Но об этом в следующий раз.

3. «Третий» и последний.

...Прошло 6 лет. И вот Постановлением Совета Министров РСФСР от 7 октября 1967 года Алтайский заповедник был восстановлен. По наследству от Телецкого лесхоза он получил обедненные промысловыми видами животных угодья, плешины вырубленного леса и ...сады. О последних чуть позже.

Приходилось снова, уже в третий раз начинать практически с нуля. Подбирать коллектив, разыскивать архивы, собирать научную библиотеку, коллекции, музейные экспонаты.

Самая сложная задача после шестилетней свободы – запретить доступ людей на территорию заповедника. Трехкратный пасьянс с козырной заповедной картой, размер которой почти одна десятая Республики, сыграл плохую службу: усилил негативное отношение к заповеднику местного населения.

Отголоски развернувшейся борьбы с браконьерами описаны в романе А.Мальшева «Встреча ветров» и в повести Е.Гущина «Правая сторона». Конечно, в этих художественных произведениях много измененных имен и придуманных событий, но оба автора знали о заповеднике не понаслышке и поделились своими личными впечатлениями.

С 80-х годов произошел существенный прорыв в охране территории. Возможность использования вертолетов для заброски экспедиций, создание нескольких патрульных групп, появляющихся неожиданно в самых отдаленных и труднодоступных уголках заповедника, повысили эффективность борьбы с браконьерством и другими видами нарушений заповедного режима. В эти годы в лесной отдел влилось молодое пополнение энтузиастов заповедного дела, двое из которых впоследствии возглавили руководство заповедника: С.П.Ерофеев стал директором, а С.В.Спицын – начальником охраны.

Если отдел охраны в основном был сформирован из работников бывшего леспромхоза, то научные кадры набирались из числа молодых специалистов, закончивших разные вузы страны. Возглавил отдел ученый-орнитолог Э.А.Ирисов.

Под его руководством была восстановлена начатая еще в тридцатых годах цепочка систематических наблюдений за природой заповедника с красивым и емким названием «Летопись природы». Это коллективный труд географов, ботаников, зоологов, фенологов, в разные годы в нем принимали участие О.Шилова, А.Овчинников, Ю.Марин, Н.Ирисова, В.Стахеев, В.Шилов, В.Яковлев, А.Олигер, А.Галанин, Н.Золотухин, Н.Малешин, О.Митрофанов, И.Кислицын, В.Бутвиловский и другие. Список можно было бы продолжать и продолжать. Научные сотрудники в заповеднике подолгу не задерживались, приходилось уезжать, когда подрастали дети: на центральной усадьбе была лишь начальная школа, да и бытовые условия не каждый мог выдержать – связь и постоянное электричество отсутствовали, зимой поселок был практически изолирован. Открытие основной 9-ти классной школы сняло с кадровой проблемы напряженность. Следующий положительный момент – перенос аппарата управления из Яйлю в Артыбаш. Теперь заповедник получил возможность пользоваться телефонной связью и электронной почтой.

Среди множества тем, над которыми трудился научный отдел, кроме основной – «Летопись природы», - была работа, посвященная сортоизучению яблони.

Развитие садоводства на территории Алтайского заповедника – особая история, уходящая своими корнями в далекое прошлое – к началу прошлого века. В монастырском саду у пос. Балыкча с успехом выращивались крупноплодные яблони. Удивительный микроклимат долины озера, носящий черты морского, с мягкой зимой и прохладным летом, позволял выращивать эти теплолюбивые растения в открытой форме. В 30-е годы А.С.Рачкин в Яйлю, затем Н.П.Смирнов в Чири посадили первые фруктовые сады на берегу Телецкого озера.

После закрытия «второго» заповедника в 60-е годы на террасах около поселков Яйлю и Беле были заложены крупные яблоневые массивы, а сотрудником Алтайской плодово-ягодной опытной станции Л.Ю.Жебровской создана большая коллекция сортов яблонь.

Восстановленный заповедник принял от леспромхоза 117 га молодых садов. Радужные перспективы развития промышленного садоводства потускнели уже спустя несколько лет: не было достаточного количества людей, способных осуществлять уход за садами, не было техники, а также водного транспорта для вывозки из поселков плодов. Из-за недостаточного ухода и климатических каверз годы с потрясающим урожаем сменялись периодами «отдыха» деревьев, когда заповедник нес значительные убытки. «Лебединую песню спели» сады в 1978 году, когда было реализовано 108890 кг яблок! Прибыль от продукции в тот год составила более 30 тыс. рублей (тогда это была очень крупная сумма!). Затем началась деградация садов, и в конце 80-х руководство заповедника пришло к выводу, что не может содержать штат работников, который не в состоянии ухаживать за огромными массивами погибающих посадок. Участки садов были отданы местным жителям на правах аренды.

Так, большим планам не было суждено сбыться. В настоящее время жители поселков Яйлю и Беле полностью обеспечивают себя яблоками и грушами, а излишки отправляют в ближайшие села.

Оглядываясь назад: перелистывая старые отчеты, сборники статей, дневники, поражаешься тому объему сделанного сравнительно небольшим коллективом Алтайского заповедника. Столько известных ныне ученых прошли его школу. Около 500 научных работ опубликовано за 70-летний период! А чем измерить труд госинспекторов? Числом заполненных протоколов, задержаний нарушителей, конфискаций оружия или тысячами километров, пройденными по горным тропам, бессонными ночевками без избушек, риском при преследовании браконьеров?

В последние годы в Республике Алтай произошло несколько значительных событий. В 1991 году был создан еще один заповедник - «Катунский» - в юго-западной части Горного Алтая. А в декабре 1998 года пять наиболее ценных особо охраняемых территорий Республики – Алтайский заповедник, Телецкое озеро, гора Белуха, плато Укок и Катунский заповедник вошли в объект Всемирного природного и культурного наследия под названием «Золотые горы Алтая».

Такое внимание и отношение руководства Республики Алтай к охране природы в нашем регионе дает уверенность в том, что определение «третий» применительно к Алтайскому заповеднику постепенно перестанет употребляться. Ибо суждено ему жить вечно. Как было задумано еще в 1932 году.

Ирина Филус

Несколько слов в заключение. Алтайский биосферный заповедник начинает свою новую страницу. Уже многое осталось в прошлом; аппарат управления, во главе с директором заповедника Игорем Вячеславовичем Калмыковым находится в г. Горно-Алтайске, идет постоянная ротация кадров. Новое поколение сотрудников в современных реалиях продолжает почётное дело сохранения природных комплексов этого удивительного уголка России.

*Старший научный сотрудник
Алтайского биосферного заповедника
Олег Митрофанов*